

Мантровая теория творчества: к очертаниям одного концепта

Попов Михаил Андреевич

Студент (магистр)

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: hetttt@yandex.ru

Мантровая теория творчества, увы, малоизвестна в современной философии искусства. Сформулированная около 1997 г. авангардным поэтом, музыкантом и теоретиком искусства Дмитрием Аверьяновым, она на некоторое время получила распространение в музыкальных кругах Петербурга; затем - канула в Лету. Подобный исход может показаться вполне закономерным; мы же, однако, считаем иначе. Даже краткий анализ показывает, что теория эта вполне интересна для исследования в рамках академической философской методологии; нулевая же её освещенность предопределена скорее малой исследованностью самой породившей её среды, нежели бесплодностью данной теории в целом.

Творчество Аверьянова само по себе носило весьма «подпольный», замкнутый характер; и следствием этого стал простой факт: источников, полноценно эксплицирующих созданную им концепцию, известно крайне мало. Подобной предпосылкой нам задается определенного рода методология исследования: скорее реконструктивная, нежели описательная. Нам не дано самого концепта - перед нами лежат следы, обрывки, цитаты; и исследование в данном случае становится не столько описанием, сколько проведением параллелей.

Естественным началом подобного воссоздания неизбежно становится определение базовых понятий; говоря более конкретно - понятия мантры как такового. Заметим: при ответе на этот вопрос особо важен именно анализ контекста, в котором складывалась рассматриваемая теория; проводя же его, мы можем заметить два принципиальных момента. С одной стороны, нигде мы не находим свидетельств того, что понятие мантры в нем радикально переосмысливалось; с другой - все же явно ошибочным, противоречивым и неправдоподобным выглядело бы предположение о зарождении в Петербурге 90-х гг. XX века течения, понимающего искусство через оптику индийской гимнографии. Свидетельства, упоминающие наш термин, недвусмысленно показывают: он употреблялся в в понимании через всецело философскую оптику.

Таким образом, все перечисленные предпосылки изначально задают нам вполне определенный взгляд на термин «мантра»: в нужном нам контексте он переосмыслен контекстом европейским, всецело философским; причем, в силу развития его в рамках конкретной теории - переосмыслен сугубо авторски. Следовательно, наше осмысление его должно строиться как минимум двояко: через апелляцию к изначальному значению и через анализ его авторского переосмысления.

Начать более конкретное рассмотрение темы в данном случае стоит, по нашему мнению, с изначального значения термина «мантра». В самом раннем своем варианте он обозначает вариант религиозного гимна; позднее же мантра обретает мистическую природу, понимается уже не как воззвание к некоему божеству, но как вербальное проявление его самого в явленном мире [2]. Помимо этого, позднейшие мантры отличаются некоторыми весьма характерными чертами: а) этимологически термин «мантра» может переводиться как «орудие выражения разума»; б) мантра - по определению сакральный, не-обыденный текст; в) мантра символична - куда более даже, чем семантически однозначна. Мантры времен Ригведы представляют собой вполне однозначно читаемые восхваления божеств; позднейшие же образцы подобных текстов лишены зачастую даже синтаксической связ-

ности.

Последний пункт, стоит заметить, ведет к еще более любопытному выводу: мантра, становясь таковой, перестает быть текстом как последовательностью знаков, обращенных к конкретному означаемому. Знак отрывается от означаемого; от его объективной предметности. Используемый в мантре знак получает в качестве значения некий «концепт» (а сама мантра, ergo, входит тем самым в категорию мифических текстов). В этом плане мантра представляет собой некое «орудие» выражения вовне внутреннего понятийного горизонта человека, исполняющего ее.

Итак, мантра в общем ее значении есть мифический текст, отсылающий к внутреннему понятийному горизонту человека. Такой вывод ставит нас перед вопросом: как может быть понята гимнографическая роль мантры в новых условиях ее интерпретации? Постулировать возможность подобного понимания, на наш взгляд, возможно с опорой на параллель, описанную М. Хайдеггером [4]. «Открытость мира богам» в рамках данной параллели понимается как открытость мира чистому, внеобыденному Бытию. Подобный концепт находит аналоги у Э. Юнгера [5] и, - согласно интерпретации А. А. Тахо-Годи, - в понимании мифа в классическом платонизме [3].

Исследование источников и сопоставление их с нашими выводами позволяет выделить еще как минимум три черты, важных для дальнейшего концептирования и применения мантровой теории:

а) спонтанность (построенный по «мантровому» принципу творческий акт, согласно ему, ценен лишь в тот момент, когда он происходит; самоценен с точки зрения внутреннего состояния автора; и, ergo, не должен отрешаться от актуальной действительности)

б) символизм.

в) радикальный скептицизм. Данный аспект самым разобран в свое время самим Д. Аверьяновым; согласно ему, конечной целью осознанного творческого процесса является радикальное, зачастую кажущееся извне иррациональным воздействие на социальную реальность с целью «преодолеть реальность окружающего мира» [1]. В контексте упомянутых нами выше параллелей взглядов Аверьянова с концепциями Хайдеггера и Юнгера возможно прочтение данного пункта через оптику радикальной социальной критики XX века - «реальность окружающего мира» в данном тексте в таком случае может быть понята как реальность отчужденного социального пространства.

Таким образом, мы можем подвести итог, очертив общие контуры нашего предмета. Мантровая теория - близкая ситуационизму концепция, согласно которой идеальное творческое произведение символично, самоценно, независимо от результата и не-отчуждено от зрителя. Идеальное произведение искусства, согласно ей, представляет собой «мантру» - символический текст, отрешенный от буквальных означаемых и соответствий во внешнем мире и направленный сугубо на личный понятийный горизонт автора и зрителя; целью же создания и воспроизведения мантры является разрыв отчужденной социальной реальности, хотя бы частично возвращающий человека к не-отчужденному, непосредственно переживаемому, спонтанному Бытию.

Источники и литература

- 1) Аверьянов Д. Чаар парнэ, пэ мийе! // Свирепый Ёж. No. 2 (8). СПб, 1997. С. 2-9.
- 2) Парибок А. В. Мантра // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь. М., 1996.
- 3) Тахо-Годи А. А. Миф у Платона как действительное и воображаемое // Платон и

его эпоха (ред. Ф. Х. Кессиди). М., 1979. С. 58-83.

4) Хайдеггер, Мартин. Гераклит. СПб., 2011.

5) Юнгер, Эрнст. Уход в лес. М., 2012.